

в наиболее жарком климате мира и в самый жаркий сезон этого климата получали воздух лишь через одно, наполовину заткнутое прутьями окно. Только вступив туда, они сделались жертвами жажды и начали обливаться потом. Они задыхались, испускали ужасные вопли, умоляя, чтобы их перевели в более обширную темницу. Их жалобы были напрасны. Они пробовали вызвать движение воздуха, обмахиваясь шляпами, — бесполезно. Они теряли сознание и умирали. Те, кто были еще живы, пили свой пот, снова умоляли о воздухе и о том, чтобы их разместили в двух камерах. С этой просьбой они обратились к Еман-даару — одному из стражей тюрьмы. Сердце стража смягчилось жалостью и жадностью. За большую сумму он согласился известить Суба об их состоянии. Когда он вернулся, еще живые англичане, окруженные трупами, умоляли, чтобы им дали воздуха, чтобы им отворили темницу. „Несчастные, — сказал страж, — умирайте. Суба почивает. Какой раб осмелится прервать его сон?“. Таков деспотизм».¹⁶

Рейналь, который был в значительно большей мере компилятором, чем оригинальным автором, перенес этот эпизод в свою книгу.

Радищев, конечно, хорошо знал эту работу Гельвеция — автора, неизменно привлекавшего его внимание. С этим, возможно, связано то, что на месте этого эпизода первоначально была фраза: «Чем же мы можем преимуществовать перед непросвещенными азийскими правлениями?» (I, 415). Высказывание это непосредственно связано с той же работой Гельвеция. Здесь, полемизируя с Руссо, автор доказывал, что невежество и непросвещенность рождают не свободу, а рабство. При этом он ссылался на «восточный деспотизм», связывая его не с климатом и величиной территорий, а именно с «непросвещенностью правлений».

Весьма существенно то, что эпизод этот появляется у Гельвеция не как простая иллюстрация к идее деспотизма, а в связи с развернутой полемикой против культурпессимизма Руссо: «„Знание развращает нравы“. Но на чем основывается это утверждение? Чтобы добросовестно придерживаться этого парадокса, следует никогда не обращать взоров к империям Константинополя, Исфагани, Дели, Марокко и, наконец, к любой из этих стран, где невежество в равной мере царит и в хижинах, и во дворцах».¹⁷

Полемика Гельвеция против Руссо, бесспорно, интересовала Радищева. Прямые ее следы мы видим в главе «Крестыцы». Все это делает вероятным предположение, что эпизод с «черной ямой» в Калькутте потому привлек внимание Радищева при чтении книги Рейналя, что он запомнился ему еще по книге Гельвеция.

Однако в радищевской реминисценции содержалась и скрытая полемика с Гельвецием: относя Индию к странам непросве-

¹⁶ Oeuvres complètes de M. Helvétius, vol. IV. A Liège, 1774, p. 75—76.

¹⁷ Там же.